

Геологический вестник

Поздравление заместителя Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации – руководителя Федерального агентства по недропользованию Е.А. Киселева с Международным женским днем 8 Марта

Дорогие женщины!

Примите самые сердечные поздравления с Международным женским днем!

Вы наполняете жизнь смыслом, радостью, счастьем, надеждой и верой в будущее. Вы вдохновляете на новые победы и преодоление трудностей. Позвольте выразить вам слова восхищения и признательности за поддержку, душевное тепло и безграничное терпение.

Пусть вас не покидает уверенность в завтрашнем дне, пусть сбываются самые заветные желания, а в семье всегда царит взаимопонимание.

Желаю вам здоровья, счастья и благополучия, удачи во всех делах и светлого весеннего настроения!

Заместитель Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации – руководитель Федерального агентства по недропользованию

Е.А. Киселев

В Общественной палате Российской Федерации прошло первое заседание Общественного совета при Роснедрах в новом составе

11 февраля 2021 года в Общественной палате Российской Федерации состоялось первое заседание Общественного совета при Роснедрах в новом составе. Мероприятие прошло при участии представителей Общественной палаты Российской Федерации В.В. Гриба и Е.А. Шаройкиной.

Открыл мероприятие председатель Комиссии по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами Общественной палаты Российской Федерации В.В. Гриб, который обратился к присутствующим с приветственным словом. Далее выступил заместитель Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации – руководитель Федерального агентства по недропользованию Е.А. Киселев.

Основным вопросом повестки дня было избрание председателя Общественного совета и его заместителей. В результате открытого голосования председателем Общественного совета единогласно избран первый вице-президент Российского геологического общества Е.Г. Фаррахов, а его заместителями стали член Российского геологического общества А.А. Романченко и представитель Национальной ассоциации корпоративных директоров М.А. Шарков.

В завершение заседания вновь избранный председатель Общественного совета Е.Г. Фаррахов обратился к новому составу с предложением разработать направления деятельности Совета и вынести их на обсуждение в марте 2021 года на следующем заседании.

В первом заседании Общественного совета приняли участие все 18 вновь избранных членов.

Коллектив Федерального агентства по недропользованию поздравляет Е.Г. Фаррахова с избранием на почетную ответственную должность и желает успешной работы.

Событие

Основатели ВИМС Аршиновы

10 ноября 2020 г. мэр Москвы С.С. Собянин подписал Постановление о присвоении наименований «линейным транспортным объектам» в городе. В число девяти новых улиц вошла и улица Аршинова: «В память о минералоге и изобретателе Владимире Аршинове (1879–1955) на карте Москвы появилась улица Аршинова. Именем учёного назван проезд, который расположен в районе Бакинской улицы вблизи пересечения Каспийской улицы и Царицынского путепровода (Южный административный округ). Владимир Аршинов основал первое в России частное научно-исследовательское учреждение – петрографический институт «Литогэа» (сейчас это ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья имени Н.М. Федоровского»). В честь Владимира Аршинова и его отца, купца-мецената Василия Аршинова, назван Аршиновский парк, в котором в 2016 году установлен мемориальный камень «от благодарных жителей района Царицыно».

Мы настолько привыкли, что наш институт носит имя выдающегося ученого и организатора науки Н.М. Федоровского, что как-то забываем об основателях института Аршиновых. Каждый день, идя на работу со стороны Ордынки, мы видим хорошо сохранившееся старое здание Lithogaea («Каменная земля»), первого в России частного научно-исследовательского учреждения, с которого начинался наш ВИМС (рис. 1). Василий Фёдорович Аршинов, купец 1-й гильдии, учредитель торгово-промышленного товарищества «В. Аршинов и К», миллионер, крупный московский меценат, построил на свои деньги это здание для своего сына Владимира (рис. 2) – ученика В.И. Вернадского, впоследствии известного ученого – петрографа, минералога, изобретателя.

Строительство было начато в 1904 г. по проекту известного московского архитектора Ф.О. Шехтеля, который проектировал также здание Торгового дома Аршинова, сохранившееся до сих пор (Старопанский пер.). Оба здания были построены в любимом архитектором стиле русский модерн. Здание Lithogaea служило, что называется, верой-правдой до 1936 г. В нем даже был детсад для детей сотрудников. Ветеран ВИМСа Сирина Татьяна Николаевна, которая его посетила, любит говорить, что у нее стаж работы в ВИМСе начался с 4 лет.

В 1930 г. при энергичном содействии Николая Михайловича Федоровского было построено новое просторное здание, которое и есть сегодняшний ВИМС. Во времена репрессий, которые прошли и по нашему институту, В.В. Аршинов

и Н.М. Федоровский (оба доктора геолого-минералогических наук, известные ученые) тоже оказались в числе репрессированных, и если Аршинов «отделался» восемью месяцами заключения и потерянным наполовину зрением, то Н.М. Федоровский отсидел свои 15 лет.

Вернемся к Аршиновым. Начало новой эпохи в истории захолустного Царицына принято относить к 1858 году – именно тогда землю здесь стали сдавать в аренду под строительство дач. Москвичей привлекали удобное железнодорожное сообщение с городом, живописные ландшафты и романтические дворцовые руины. В начале XX века здесь уже насчитывалось более четырехсот дач.

В Новом Царицыне жила и семья купца В.Ф. Аршинова – устроенный ими парк в советское время получил название Аршиновского и частично сохранился до наших дней (рис. 3). 16 сентября 2016 года в Аршиновском парке состоялось торжественное открытие Памятного камня, установленного в честь его основателей – купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Москвы В.Ф. Аршинова и его сына В.В. Аршинова – крупного ученого.

У Аршиновых в дачном Царицыне были дачи и парк с редкими растениями, которым В.В. Аршинов с увлечением занимался более 20 лет, выписывая саженцы отовсюду, даже из Канады. В парке до сих пор сохранились старые лиственницы и редкие виды сосен. Кстати, в одном справочнике даже есть информация, что В.В. Аршинов был крупным биологом, и, думаю, это не опечатка. После долгих лет забвения парк в 1987

году был объявлен памятником природы, а в 2015 году завершено его благоустройство. Удалось сохранить естественный ландшафт парка и ценные породы лиственниц и сосен.

Установка Памятного камня основателям Аршиновского парка – инициатива жителей района, которую удалось реализовать при поддержке управы района Царицыно и других местных организаций и учреждений. Свою лепту в это благородное дело, естественно, внес и наш институт. На церемонии открытия состоялось богослужение, выступили Глава муниципального округа Царицыно С.И. Буртник и другие представители местной администрации, депутат Госдумы Л.Н. Духанина, от инициативной группы жителей Л.Е. Кузнецова. Особенно трогательно звучало коллективное выступление учеников расположенной рядом школы 868, которые развернули рядом свою выставку об Аршиновых.

От ВИМСа много теплых благодарных слов сказала заведующая нашей библиотекой Надежда Александровна Серпер, которая имела счастье работать с В.В. Аршиновым. Она поблагодарила представителей власти, стараниями которых был восстановлен и открыт парк, сотрудницу Царицынского музея Л.Г. Еремину (рис. 4).

Рис. 2. Аршинов В.В.

Следующим знаковым событием было открытие 18 мая 2017 г. в Третьем Кавалерском корпусе музея-заповедника «Царицыно» экспозиции «Дачное Царицыно», посвященной истории популярной дачной местности и ее жителей с 1860-х гг. до 1917 г. (рис. 5).

Третий Кавалерский корпус – одна из лучших царицынских построек Василия Баженова (1776–1779 гг.) – сам по себе полноценный и очень важный экспонат (рис. 6). Во второй половине XIX века корпус был превращен в дачу, и до 1918 года здесь проводила летние месяцы большая семья известных благотворителей Давидовых. В 1920–1930-х годах в нем работал первый в Царицыне музей, позже – Дом культуры, различные строительные-реставрационные конторы. В середине 1980-х здесь размещался Государственный музей декоративно-прикладного искусства СССР.

В 1990-х началась реставрация здания: удалось восстановить планировку, утраченные своды, башенку-бельведер, парапеты. С конца 2003 года корпус ненадолго стал выставочным пространством музея, а затем в нем разместился музейный экскурсионно-образовательный центр. После повторных ремонтно-

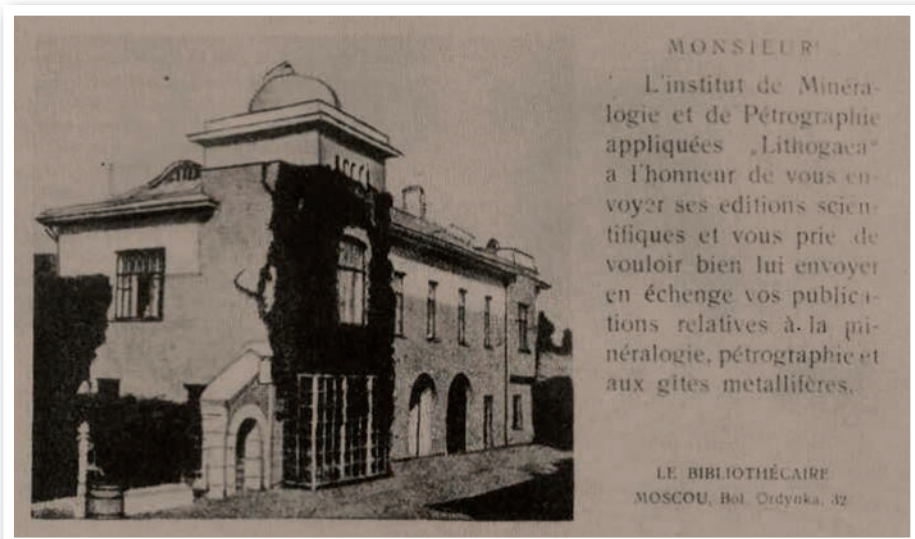

Рис. 1. Здание Lithogaea (старая открытка)

Рис. 3. У входа в Аршиновский парк

История

Рис. 4. Выступление Н.А.Серпер

реставрационных работ Третий Кавалерский корпус 18 мая 2017 г. снова открыл двери для посетителей.

Аналогов этой необычной выставки, пожалуй, ещё не было. Эту, теперь уже постоянную, экспозицию «Дачное Царицыно» более десяти лет готовили научные сотрудники ГМЗ Царицыно, среди которых хочется отметить Елену Викторовну Офицерову и Любовь Георгиевну Ерёмину. Они разыскивали потомков царицынских дачников, вели переговоры о передаче в музей документов – негативов, фотографий, дневников, предметов быта. Сейчас экспозиция содержит 320 уникальных экспонатов и более 200 фотографий, многие из которых публика увидит впервые.

Сотрудники музея подарили нам возможность посмотреть, буквально потрогать такую забытую дачную жизнь с игрой в крокет, чаепитиями, духовыми оркестрами, прогулками, тем, что описано у многих наших классиков. Дачники гуляли по парку, катались на лодках, удили рыбу, собирались в саду Диппмана на театральные и музыкальные вечера, танцы и сеансы синематографа.

Среди дачников и их гостей немало было людей известных. Первый Кавалерский корпус несколько лет подряд снимала семья выдающегося археолога А.В. Орешникова. Вместе со знаменитым историком И.Е. Забелиным, соседом по даче, он занимался в Царицыне археологическими раскопками. Здесь была дача председателя I Государственной думы С.А. Муромцева. Его племянница, Вера Муромцева, стала женой Ивана Бунина. В Новом Царицыне, как мы уже говорили, жила семья купца В.Ф. Аршинова. В Царицыно приезжали философ В.С. Соловьев, поэты и писатели Ф.И. Тютчев, А.Н. Плещеев, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, композитор П.И. Чайковский, певец Леонид Собинов, художник Константин Коровин и другие.

Во второй половине XIX века Третий Кавалерский корпус, где теперь размещается новая экспозиция, был превращен в дачу, и до 1918 года здесь проводила летние месяцы семья крупного благотворителя, статского советника И.Ю. Давидова. Его брату, знаменитому виолончелисту Карлу Юльевичу Давыдову (в фамилии он

одну букву заменил), Чайковский, который называл Давыдова «царём виолончелистов нашего века», посвятил Итальянское каприччио.

Дачное Царицыно было особым миром – красивым, тёплым и очень московским. И вот теперь, после открытия экспозиции «Дачное Царицыно», есть место, где можно погрузиться в прошлое, не спеша пройти по выставке и погулять в парке.

Открытие состоялось 18 мая. Был сказочный день: яркое солнце, синее небо, нежная яркая трава. Представьте себе, на лужайке у прекрасно отреставрированного Третьего Кавалерского корпуса играет духовой оркестр, на ослепительно белых скатертях расставлены чашки для чаепития с баранками и всякими печеньями, пытит огромный самовар, а под цветущими кустами за белыми круглыми столиками сидят приглашённые, (уже почувствовавшие себя дачниками). ВИМС как организация, которая давно и активно сотрудничает с научными работниками Царицына, также получил приглашение на открытие выставки. К парадному входу вышли сотрудники Царицына, а из гостей – А.А. Васильев, правнук Давидовых. Генеральный директор музея-заповедника сказала неформальную речь, в которой специально отметила участие нашего института (и особенно И.Г. Печёнкина) в создании стенда Аршиновых. После всех выступлений приглашённые вимсовцы вручили свои подарки к стенду Аршиновых (похващаемся, что автор этих строк и Н.А. Серпер пришли сюда не с пустыми руками, а принесли для аршиновской экспозиции ещё и старый и очень тяжёлый латунный микроскоп), за что были вознагра-

дены персональной экскурсией с блестящей Е.В. Офицеровой.

И последнее. Есть на Донской улице Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей – негосударственный исследовательский, учебный и просветительский центр. Музей расположен в здании XIX века, принадлежавшем Ивану Григорьевичу Простякову – известному московскому благотворителю, купцу 1-й гильдии, потомственному почетному гражданину (рис. 7). В музее собраны материалы почти по всем московским купеческим династиям: Третьяковым, Рябушинским, Рукавишниковым, Прохоровым, Морозову, Сытину, Солдатенкову, Мамонтовым, Аршиновым и многим другим.

26 ноября 2019 г. в Музее был «Вечер, посвященный 140-летию со дня рождения Владимира Васильевича Аршинова (1879-1955), основателя научно-исследовательского института «Литогеа», известного учено-минералога, доктора геолого-минералогических наук». На вечере с докладами выступили Игорь Гертулович Печенкин – советник генерального директора, главный научный сотрудник ФГБУ «ВИМС», Надежда Александровна Серпер – заведующая Научно-технической библиотекой ФГБУ «ВИМС», где хранится личная библиотека Владимира Васильевича Аршинова, и Любовь Георгиевна Ерёмина – сотрудник ГМЗ «Царицыно». После докладов сотрудники музея сделали нам подарок – очень интересную и насыщенную экскурсию по музею.

Антоненко Л.А.,
ФГБУ «ВИМС»

Рис. 5. Дачное Царицыно. Пригласительный билет

Рис. 6. Третий Кавалерский корпус

Рис. 7. Музей меценатов

Татьяна Николаевна Сирина: В нашем доме царили геология и музыка

Впервые порог ВИМСа я переступила в 1940 г. в трехлетнем возрасте, когда родители привели меня в детский сад института, который, как и в послевоенные годы, располагался во дворе ВИМСа в домике Аршинова. Когда началась война, я и мой средний брат находились с детским садом на даче под Москвой. От мамы мы получили небольшое письмецо. В нем она писала, что началась война, и детский сад могут эвакуировать, не завозя детей в Москву. Волноваться не надо: мама и папа всегда будут знать, где мы находимся, а пока идет война, все взрослые должны очень много работать. Конечно, мы тогда не могли предполагать, сколько детей и родителей многие годы после войны будут разыскивать друг друга и сколько потеряют друг друга навсегда! К нашему счастью, мы успели вернуться в Москву.

Перед войной мы жили в общежитии докторантов Академии наук на Малой Бронной. Начались бомбежки Москвы. Помню площадь Никитских ворот, асфальт, который был раскрашен под цвет крыш окружающих домов. Смутно вспоминаю переходы по каким-то лестницам и бесконечным коридорам в бомбоубежище, а в это время бабушка с моей двоюродной сестрой поднимались на крышу дома дежурить, чтобы гасить зажигалки.

А потом были теплушки. Мы ехали в эвакуацию. Большой вагон, где справа и слева от дверей внизу и вторым ярусом, как большие нары, были полки, и мы, ребята, забирались наверх и смотрели оттуда на незнакомые поселки и деревни, а иногда – на открытое поле, когда поезд там останавливался. Мы ехали на Урал, вся наша семья – моя мама, бабушка два брата и я, и еще семья маминой сестры тоже с тремя детьми.

Отец оставался в Москве. Он был директором ВИМСа (с 1940 по 1943 г.) и ему нужно было организовать эвакуацию института. В оставшейся в Москве части ВИМСа тоже продолжались работы.

Семья Сириных,
Татьяна на руках у мамы, 1941 г.

В военные годы Полярно-Уральская экспедиция, руководимая отцом, проводила широкие работы по поискам и разведке месторождений горного хрусталя, в результате чего Саранпауль стал, после временной утраты Вольнского месторождения на Украине, важным поставщиком этого сырья.

Мой дядя, муж маминой сестры Волосюк Георгий Корнеевич, перед войной работал начальником Алмазного бюро в Москве и был одним из организаторов алмазной промышленности в СССР. Видимо, поэтому первую военную зиму 1941-1942 гг. обе наши семьи жили в Кусье (посёлок Кусья-Александровский), где в то время находилась Алмазная экспедиция, а в ней работали моя мама и двоюродная сестра.

Меня и моего брата приняли в детский сад. Место было одно, и мы ходили по очереди, через день, а когда оба заболели, мама принесла нашу дневную порцию домой и разделила ее на четверых – мне со средним братом и двум двоюродным братьям нашего возраста. Старшему брату, школьнику, уже ничего не досталось.

Конечно, было нелегко. Рабочая карточка была только у мамы, а нас было трое детей и бабушка. Мы приехали в Кусью в начале зимы. У местных жителей были свои огороды и, соответственно, какие-то запасы на зиму. Однако эвакуированных в Кусье встречали не очень приветливо. Что-то удавалось выменять на привезенные вещи, но что и сколько можно было увезти с собой в эвакуацию?

Однажды старший брат Артур пришел из школы очень радостный. Он принес целое ведро картошки и в качестве добавки немного моркови и свеклы. Дело в том, что в то время школьных тетрадей не было. Писали кто на чем мог, а мама дала моему брату вместо тетради книжечку полевого дневника. Одному из местных ребят этот дневник очень понравился, и он уговорил брата обменять его на ведро картошки. Радости нашей не было предела.

Братья любили надо мной подшучивать. Однажды они примчались из школы с громким криком: «Таня, собирайся скорее, за нашей школой немцы стреляют». Не только я, но и они сами не осознавали в полной мере, что это означает. Когда они прибежали, я сидела на полу и спокойно играла в напиленные из деревянного бруска кубики. На их крик я, продолжая играть, спросила: «А кубики брать?» В ответ они растерянно ответили: «Как хочешь». И я не спеша стала аккуратно складывать кубики. А так называемые немцы так и не добрались до нас.

Мы ходили в лес, собирали грибы, ягоды. Здесь, в Кусье, я полюбила и сохранила на всю жизнь ни с чем несравнимый аромат самой душистой в мире ягоды княженики и необыкновенный запах пихты, по которому в таежных зарослях можно отыскать даже маленький, только появившийся на свет ее росточек. Именно

огромную красавицу пихту принесли из леса на Новый год бабушка со старшим братом, и мы ее украшали гирляндами, склеенными из раскрашенных красками газетных полосок.

В Кусье произошло мое первое знакомство с минералогией. Мама показала нам алмаз. Она держала его на большой черной тряпке и предупредила: «Будьте осторожны, а то он прыгает». Долгие годы я не сомневалась, что алмазы обладают чудесным свойством прыгать. Только, будучи студенткой МГРИ, на занятиях по минералогии я поняла, что имела мама в виду, говоря эти слова.

К лету 1942 г. мы переехали в Катайск. В то время он представлял собой небольшой поселок, куда и был эвакуирован ВИМС. Мы жили на втором этаже деревянного дома в двух небольших комнатках. За стенкой жила семья И.В. Шманенкова. Иван Васильевич в это время был заместителем директора ВИМСа и руководил работами института в эвакуации. Жили мы дружно. Уже после эвакуации, в Москве, моя бабушка – необыкновенная мастерица по выпечке пирогов, послала меня к Шманенковым на Гоголевский бульвар, чтобы угостить их своими пирожками. И я бежала от Патриарших прудов, с некоторым опасением поднималась по затемненной лестнице, которая освещалась для маскировки лишь тусклыми синими лампочками, стараясь выполнить бабушкино задание. Когда я пришла работать в ВИМС, некоторые наши сотрудники, узнав мою фамилию, говорили мне: «Так ведь я помню тебя еще маленькую в Катайске». Правда, во время войны мало кто из детей считал себя маленьким: мы все уже были взрослыми!

Жизнь в Катайске стала немного легче. У нас был огород. Приехавший в короткую командировку отец купил где-то в деревне цыплят, которые доставляли нам, детям, радость, а взрослым хлопоты. Здесь в Катайске средний брат тоже пошел в школу, и пока мама занималась с братом, я, сидя под столом и, время от времени донимая маму вопросами, тоже осваивала грамоту.

Но вот прошел Новый год. У всех нарастает тоска по Москве. Все с нетерпением ждут возвращения. Пришел вызов моей маме и старшему брату. Все настораживаются: если вызвали жену директора, значит, скоро в Москву вернется весь институт. А пока вызова нет, приходится ездить по все более далеким деревням и с каждым разом с большими трудностями выменивать продукты. Но в Москве тоже было трудно.

Приходит весна 43-го года, и теперь уже весь ВИМС возвращается в Москву. Едем уже не в теплушках, а в общем вагоне. Стоянки, как и раньше, на неопределенное время. Бабушка, пользуясь случаем, спешит хоть как-то умыться нас с братом. Я уже сижу у окна в вагоне, поезд медленно трогается, и я со страхом смотрю, как бабушка с братом на

Т.Н. Сирина, пенсионер,
старший научный сотрудник ВИМСа,
кандидат геолого-минералогических наук

одной руке и тазиком в другой бежит к начинающему двигаться вагону. Кто-то из мужчин подхватывает их и затаскивает в вагон. Но это уже возвращение домой.

Уже в Москве помню, как нас с братом возили в военный госпиталь, и мы читали стихи, вернее, читала я: «Однажды в студеную зимнюю пору...», а брат, стоя за моей спиной, старательно жестикулировал руками, изображая происходившие в стихах события.

После возвращения ВИМСа в Москву отец перешёл в ИГЕМ АН СССР, где продолжал работы по Полярному Уралу. В работах Полярно-Уральской экспедиции под руководством отца принимают участие не только сотрудники ГИНа, но и ВСЕГЕИ – Ю.Е. Молдованцев, С.Н. Волков и др. Приезжая в Москву, многие из них останавливались у нас, и в доме царили геология и музыка. Ю.Е. Молдованцев, получивший, наряду с геологическим, ещё и образование в ленинградской консерватории, едва переступив порог дома, садился за пианино и великолепно пел арии из опер. Мы, дети, жили вместе со своими родителями этой жизнью.

Наконец, в 1947 г. я уговорила маму взять меня в экспедицию. Мы долго добирались до Саранпауля, сначала на поезде, затем на гидросамолете, далее по Оби и Северной Сосьве на пароходе. А дальше с маминым отрядом – по тайге. Мы поднимались вверх по течению на лодке на шестах, шли с караваном вьючных лошадей по тайге, вернее, все шли, а я ехала верхом. Дождя не было, и в дороге палатки не ставили. Мама раскладывала мне пуховый спальный мешок под огромным кедром, а их там было немало, и счастьем моему не было предела!

Я окончила музыкальную школу, но поступать в училище не стала: геология, к огорчению моей бабушки, победила. Я стала третьим ребенком в нашей семье, который пошел по стопам родителей.

В 1959 году после окончания геологоразведочного факультета МГРИ

От первого лица

Коллектив ВИМСа с детьми идет на первомайский парад по Ордынке

я пять лет проработала в Ленской экспедиции ЦНИГРИ. Мне очень повезло – моим первым учителем по практической геологии стала Юлия Петровна Казакевич, крупный специалист по золотоносным россыпям и очень доброжелательный человек. В экспедиции работал в то время и Сергей Дмитриевич Шер, занимавшийся россыпным и рудным золотом. Знания, полученные при геологической съемке, очень помогли мне в дальнейшей работе, когда я стала заниматься рудной геологией.

В 1964 г. я поступила в аспирантуру в ВИМС. Три года занималась детальным изучением оловорудного месторождения Учкошкон в Киргизии. После окончания аспирантуры мне посчастливилось 20 лет работать с замечательным человеком, крупным специалистом и куратором по олову, Михаилом Прокопьевичем Материковым. В первые годы работы с ним проводилась оценка перспектив новых оловоносных районов. В результате этих работ была обоснована возможность открытия в СССР новых месторождений олова за пределами уже известных областей промышленной оловоносности. Полученные результаты легли в основу моей диссертационной работы, защита которой состоялась в 1973 году.

С 2010 года я на пенсии, но полностью расстаться с геологией не дает накопленный за многие годы работы огромный материал, и я пытаюсь хоть какую-то его часть систематизировать.

Сирина Т.Н.

Над нами черная туча,
Как будто посыплется снег.
И вдруг поднялся ветер,
И песню запел человек.
И в этой песне звучали
И горе, и радость весны,
Печаль об утратах в жизни
И вера в свершение мечты.
Сила великая слышалась –
Преодолеть преграды все,
Чтоб светлая жизнь настала
Для всех людей на Земле.
Казалось, раскинет руки
И вверх полетит певец
За ветром над всей планетой,
Словно великий творец.

Ты не слышишь, как дождь барабанит,
Грустной осени дождь затяжной.
Скрылось солнце за тучами серыми,
Нет ни пятнышка с голубизной.
На душе невеселые мысли,
И тебя нет рядом со мной,
Только мишка мне машет лапой,
Возвращаясь к себе домой,
Где веселое детство было,
Где все были мечты впереди...
Нет не надо о том, что было.
Еще будут светлые дни.

Какие вы нелюбопытные!
Ну, кто вам разрешил так жить?
Не замечаете мгновения,
Которые нельзя забыть!
Которые ловить вам надо
И любоваться, и беречь...
А вы бросаете небрежно их
В огонь, как мусор, лишь бы сжечь!

КАПЛИ МОЕЙ ДУШИ

Многоцветье осени незаметно угасло,
Только ели зеленые да трава вдоль дорог.
Вспоминают о лете, что прошло, как мгновенье
И подкралась пора черно-белых дорог.
Скоро белая скатерть накроет всю землю
А на ней от деревьев черных веток узор.
Скачут черные галки, тучи черные в небе,
И крадется к душе черных мыслей укор.
Вспоминаю жизнь прошлую, вспоминаю ошибки,
Их исправить уже невозможно никак,
И сжимаются в сердце все печали прожитые
В нарастающий черный комок.

Молитва

Сгинь хворь твоя, с водой уйди
В неведомый нам путь.
В болота топи уходи,
Назад тропу забудь.
Болезни камни пусть возьмут
Даст веру в жизнь заря.
Невзгоды ветры унесут
За горы, за моря.
Пусть солнце на тебя пошлет
Целебные лучи,
И пусть в душе твоей забьют
Волшебные ключи.
И пусть луна в полночный час
Твой освещает путь,
И вовремя господний глас
Укажет, где свернуть.
И пусть тебя покинет грусть
И запоет свирель,
Исчезнут все болезни вдруг
За тридевять земель.
Как дня боясь, уходит ночь,
Дав небу утра синь,
Уйдите все болезни прочь.
Аминь! Аминь! Аминь!

Княженика

Поляника-княженика...
Как ее мне позабыть?
Это царская забава –
Невозможно не любить!
Эта ягода вобрала
Ароматы всей тайги:
Здесь и пихта, и кедровник,
И жарки, и всплеск реки...
Скромный листик земляники,
Цвет малиновый взяла.
Робко смотрит меж травинок,
Зазывая в лес меня:
«Отдохни, послушай тихо,
Как журчит вблизи ручей,
Как всю хвою поднимая,
Гриб глядит из-под ветвей».
Эти сладкие мгновенья...
Обо всем забудешь ты
Лишь увидишь княженику –
Ягоду моей мечты.

Продолжение: эссе Кустова Ю.Е о самых распространенных полезных ископаемых Земли (вода, глина, известняк, кремень, железо) и менее распространенных (золото) мы знакомим вас в этом и следующих номерах «Геологического вестника».

Вещество, пронизанное духом. Вещество Третье: Говорящий Известняк

О мрамор, хранилище мысли былых поколений!

А.Н. Майков

*Нам преподносит известняк,
придавший местности осанку,
стихии внятные останки,
и как бы у ее изнанки
мы все нечаянно в гостях.*

Б.А. Ахмадулина

*След раковины в гробовой плите
уводит мысль куда-то дальше смерти.*

Б.А. Ахмадулина

Кустов Юрий Евгеньевич

Память плохо хранит впечатления, не закреплённые в слове. Правда, иногда аромат цветка или какой-то обрывок мелодии напомнит вдруг что-то давно забытое... До сих пор, стоит почувствовать сырой и травянистый запах летней реки или услышать тонкое свистение береговых куличков, из более чем полувековой глубины всплывают почти живые ощущения: холод утреннего тумана, лёгкая сухость орехового удилица и шершавость ноздреватых глыб светло-серого камня, отражённых в чёрной воде.

на кияне, на острове на буяне – вероятно, янтарь». Известняк, изначально морской осадок, всё-таки более удачно «вписывается» в этот контекст. Но это к слову.

Любопытство, не всегда подстегиваемое только практическими нуждами, заставляло углубляться в природу камня, внимательнее всматриваться в особенности его строения, уточнять состав его частей, приглядываться к условиям его нахождения. За физическими связями, фиксируемыми наблюдателем, проявлялись невидимые, логические, выявляемые исследователем. Это самый загадочный момент познания. Сколько бы сведений ни накопили мы об объекте, сколь изощренными и тонкими ни были бы методы их добычи, никогда сами по себе замеры и вещественные определения ничего не говорят о процессе, истории, происхождении. Требуется некая логическая среда, в которой по ее законам могут быть оживлены эти незримые, но угадываемые отношения. Современный человек для описания многих объектов предпочитает пространство естественнонаучных понятий и терминов. Известняк поэтому удобно рассматривать в рамках геологического лексикона.

Многоликий известняк

Геологи же этот термин употребляют для обозначения пород, состоящих главным образом из минералов углекислого кальция – кальцита или арагонита. Всем знакомы его разновидности – писчий мел и кристаллический мрамор; менее известен травертин – «накись», образующаяся у источников минеральных вод. Не менее известны и его «близкие родственники», такие, как мергель – глинистый известняк и доломит – магниевый известняк (также используемые в строительстве).

Как уже говорилось, эти породы широко распространены на планете. Почти четверть осадочной оболочки Земли сложена ими. В создании любых осадочных образований обнаруживается в конце концов участие живых существ, использовавших для этого энергию Солнца, но в известняках их присутствие проявилось наиболее ярко. Здесь вполне обычны обломки раковин, кораллов, морских лилий, иглы и кусочки панциря морских

ежей и звёзд, обрывки разнообразных водорослей. Повсюду – комочки известкового ила, пропущенные через пищевод голотурий, червей и прочих некрупных тварей, кишаших в придонном пространстве. Главная же часть этих пород – создание организмов, невидимых глазу. Некоторые из них сейчас обнаружены и изучены, а многие и до сих пор неизвестны науке. Иногда известняки целиком состоят из скелетов различных морских обитателей, например рифы.

Это слово может по-разному отзываться в восприятии. Для моряков рифы –

скалистые выступы морского дна, о которые разбивались корабли. Для биологов – подводные холмы – место обитания кораллов, моллюсков, водорослей и многих иных существ, а для геологов – тела известняков, сложенные остатками водорослей, мшанок, губок, но в первую очередь – кораллов. В редких случаях они, почти нетронутые, бывают захоронены и могут пролежать сотни миллионов лет, сохранив облик древних организмов и саму форму этой древней постройки. Главными существами – строителями рифов уже на протяжении сотен миллионов лет являются коралловые полипы.

Фотография by pierre pouliquin/Flickr.com

Полипы живут только в очень прозрачной воде, на ничтожных глубинах. Веточки кораллов тянутся и тянутся к Солнцу, насыщаясь светом, что обязательно скажется на дальнейшей судьбе камня.

Но организмы (полипы, моллюски, иглокожие...) отмирают чаще постепенно и «по одному», иногда внезапно и целыми сообществами. Хрупкие скелеты, не поддерживаемые энергией жизни, разрушаются под напором «внешних обстоятельств». Обломки их, оторванные штормами, осыпаются к подножью рифа. Тяжелые вздохи прибой давно утихли, но не рассеялись бесследно, а сохранились запечатлёнными в текстурном рисунке и способны через миллионы лет ожить в цветах и линиях палеогеографической карты или во вдохновенной поэтической строфе. Из кусков кораллов, раковин, других известняков возле рифа формируется новое тело – крупнообломочный слой. Дальше – слой с песчаной размерностью слагающих его зерен. А ещё дальше – тонкий карбонатный ил. И для каждой подобной «зоны» характерны свои организмы, может быть не столь «густо» сосуществующие, как на рифе, но длительно живущие здесь, использующие поступающий сюда органический и минеральный материал и в процессе жизнедеятельности создающие характерный облик своего «местожительства». Даже в самой тонкозернистой разновидности известняков, рыхлом, мажущемся меле, под микроскопом обнаруживаются мельчайшие раковинки фораминифер и кокколиты – остатки одноклеточных водорослей.

Единое (известняковый горизонт) подразделено на части, закономерно размещённые друг относительно друга и находящиеся в определённом взаимодействии. Известняковое разнообразие, обусловленное сменой донных ландшафтов, существует в поле Жизни, проявлено и подчеркнуто ею, и поэтому доступно иногда прямому наблюдению человека (например, исследователя-аквалангиста).

Фотография: Paul Grand/Flickr.com

Имя камня

Значительно позже пришло слово «известняк», и камень стал узнаваемым не только при очном общении, но и на картинах, фотографиях, экране: окские берега у Тарусы, утёсы Жигулей, обрывы Горного Крыма, скалы Архипелага и Коринфа...

Такое «шапочное» знакомство позволяет приветствовать при встрече, но ещё не означает знания, которое в более оформленном виде приходит при практическом взаимодействии: познаются твердость и стойкость камня, его белизна и чистота, готовность быть использованным и проявить себя в качестве того или иного материала.

Термин «известняк» (от греческого асбестос – неугасимый) возник в среде промышленников, занимавшихся изготовлением извести. Брали камень, отжигали в больших печах, получая белый едкий порошок – негашеную известь, а потом с шипением и пузырями «гасили» в воде и использовали как связующий материал в каменной или кирпичной кладке. Можно представить себе, как светились-горели раскаленные глыбы камня в вечерних сумерках.

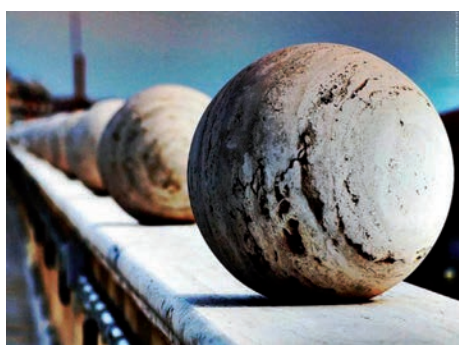
Представляется, что бел-горюч камень русских сказок – это как раз известняк. Он действительно белый, светло-серый, иногда чуть желтоватый. А «горючесть» связана с особенностями использования. В. Даль толкует несколько иначе: «алатырь – загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах: бел-горюч камень, лежащий на дне морском, либо на море

Геологи пишут

Причины древнего разнообразия человек постигает, сравнивая их с современной ситуацией (актуализируя их). Охваченное наблюдением и мыслью разнообразие способно со временем воплотиться в слове, но некий «зародыш» этого слова проглядывает уже в полностью бессловесном общении различных групп осадков.

Мрамор

Надо заметить, что камень может на какое-то время оказаться изъятым из «поля зрения» Жизни. Мы теряем с ним всякий, даже опосредствованный, контакт. Конечно, моделирование в автоклаве или иное экспериментальное изучение или расчет позволяют уточнить параметры той среды, в которую нам нет доступа, но всё-таки непосредственного наблюдения здесь не может быть «в принципе», и здесь нас выручает воображение, способное прояснить истину.

Фотография: FotoRita [Allstar maniac]/Flickr.com

Опущенный на многокилометровые глубины и сдавленный непомерной тяжестью захоронивших его отложений, известняк может оказаться вблизи мощного очага подземного жара. И тогда он изменится, «метаморфизуется», произойдет перекристаллизация минеральных зерен, и образуется крепкий и массивный мрамор. Следы первичного строения исчезнут, и преобразенная порода превратится в кристаллическую массу, сахаристую на изломе и состоящую из зёрен почти одинаковой величины. Правда, если разглядывать под микроскопом тончайшую прозрачную пластиночку этого вещества в проходящем поляризованном свете, можно увидеть вдруг узенькую изогнутую полоску, перламутрово сияющую и угасающую волной при повороте столика. Это знак былого, напоминание о раковине давным-давно исчезнувшего моллюска. Ничего не осталось от нее, и лишь порядок кристаллов указывает на то, что было.

Мрамор приобретает свойства, которые в известняке было трудно и предполагать. Он крепок, блестящ, упруг и податлив, доступен резцу и хорошо держит форму, принимает и охотно хранит полировку. И это сделало его любимым материалом зодчих и скульпторов. Скульпторы – в первую очередь.

Дворцы и храмы

Известняк же с древнейших времён использовали в качестве строительного материала, причём сначала довольно «простоудушно»: находили пещеру и обживали её в соответствии с имевшимися запросами. Позже научились вырубать

в известняковых массивах искусственные жилища или комбинировать природные формы с рукотворными.

По преданию, в одной из таких пещер был рождён Спаситель, и точно известно, что снятое с креста Его тело было обвито плащаницей и положено в гроб, высеченный в известняковой скале.

Этот камень самой природой создан для строительства. Он крепок и устойчив, но при этом податлив в обработке. Из него легко вырубать блоки и также хорошо вырезать детали декора, – он поддается резцу и держит форму. Античность научилась возводить из него храмы, театры, стадионы, и сегодня поражающие соразмерностью и изяществом.

Изысканным архитектурным созданием дал плоть белый камень на Руси – в Псковской и Новгородской, Владимирской и Суздальской, а позже и в Московской земле.

Храм Покрова воздвигнут по приказу Андрея Боголюбского на Нерли, при впадении её в Клязьму. Выходов известняка здесь нет. Возили его в двенадцатом веке издалека – из Мячковских каменоломен на Москве-реке, возле устья Пахры. Барки с блоками тёсаного камня плыли вверх, к устью Яузы, поднимались по ней до Мытищинского волока и переволакивались в Клязьму. Это была тяжёлая геологическая работа – камня требовалось много. Не только храм, но и его подножье, холм на приречном лугу, сложен в значительной мере из того же известняка.

Тот же мячковский «белый камень» использовали строители Спасского собора Андроникова монастыря, выстроенного между 1410 и 1427 годами при игумене Александре. В позднейших перекладках стен собора были обнаружены многочисленные блоки, уже использованные ранее в храмовом строительстве. «...духовная сила всегда остаётся в частицах тела, ею оформленного, где бы и как бы они ни были рассеяны и смешаны с другим веществом».

Афродита и Давид

Первые памятники монументальной скульптуры из известняка-мрамора появились в Греции в начале седьмого века до нашей эры. Причём сначала греческие ваятели употребляли только известняк – материал более рыхлый и мягкий, чем мрамор, но уже к концу столетия, когда дорийцы все еще продолжали довольствоваться грубым известняком, ионийские скульпторы переходят к мрамору, способному воплощать более тонкие замыслы и своей формой соответствовать их изысканному вкусу. Острова Накос и Парос особенно прославились и мрамором (белым, среднезернистым) и его резчиками. Знаменитыми в античной Греции были и Пентелейские каменоломни, расположенные несколько севернее Афин.

Храм в Луксоре, XV век до н.э.

Храм Посейдона, V век до н.э. Пестум

Акрополь в Афинах, V век до н.э.

Храм Посейдона на мысе Суннон 440 г. до н.э.

Стоит напомнить, что мастера, работавшие в мраморе, традиционно раскрашивали свои творения минеральными красками: у скульпторов ранней архаики раскраска была сплошной; позже красили лишь одежду, волосы, брови, зрачки, губы (руки, ноги и лицо сохраняли

Фото: А.А. Евсеев.

натуральный цвет мрамора); а в эпоху самой поздней классики раскраска вообще начинает исчезать.

Знаменитый афинянин Пракситель (IV век до нашей эры), любимым материалом которого был именно мрамор (Лукиан указывает на пентелейский, а другие авторы упоминают паросский), применял обычно лишь легкое общее тонирование изделия и покрытие его восковой плёнкой. Современники отмечали поразительную прозрачность и почти живую нежность его изваяний.

Дело в том, что кальцит обладает довольно редкими оптическими свойствами. Минералы с совершенной спайностью (а кальцит – именно такой) из-за отражения лучей от многих невидимых поверхностей и частичного их рассеивания часто обнаруживают перламутровый блеск. К тому же кальцит сильно плеохроирует, то есть изменяет окраску в зависимости от направления распространения света. И, наконец, иногда он способен люминесцировать. При воздействии ультрафиолетовых лучей атомы его кристаллической решётки возбуждаются, и в результате такой своеобразной «инициации» вещество излучает энергию и начинает светиться. Практически невидимая на дневном свете легчайшая «аура» может стать в определённых условиях доступной для чуткого взгляда художника. В некоторых природных разновидностях этого минерала удаётся ощутить этот удивительный световой перелив: в полосчатом пещерном ониксе – любимом материале резчиков камей, в перламутре раковин, в жемчуге – самом живом и удивительном изо всех самоцветов, в белом мраморе, особенно в просвечивающих изделиях из него, можно углядеть эту странную и причудливую игру света, напоминающую едва уловимые движения светоносной ткани: тонкий радужный

Геологи пишут

пар над вечерними мартовскими сугробами, мерцание бабочек в летних сумерках и матовое, чуть заметное излучение человеческого тела. Возможно, именно поэтому мрамор оказался лучшим материалом, отображающим наготу.

Пракситель
Афродита Книдская (копии)

Все эти свойства были охвачены научным знанием лишь в последние столетия, но Художник, иными путями погружаясь в вещество, познавал его возможности. Пракситель был поэтом Афродиты. Этот образ преследовал его в течение всей жизни, и пять её изображений остались в памяти потомков. В античном мире Афродита Книдская, «из-за которой многие специально путешествовали на Книд, как сообщает Плиний, признана самой замечательной статуей». Считается, что моделью для этого образа послужила знаменитая афинская гетера Фрина. До нас дошли только повторы этого изваяния (главным образом, римские). Копии не способные, конечно, передать того напряженного творческого огня, который, входя в художника, через его руку передавался мрамору. По всей вероятности, очарование, рождаемое встречей с подлинником, производило оглушающее впечатление. «Царь Никомед, – продолжает Плиний, – желая купить её у книдян, предлагал освободить их от всех долгов, которые были огромны, но книдяне отвергли его предложение, предпочтя удерживать статую». Воздействие художника превратило мраморный блок в совершенно новое, имеющее другое значение и другую ценность.

Но прежде чем мрамор, вырванный из огромных глубинах, станет доступен человеку и приобретёт новый смысл в его творениях, должны были произойти могучие планетные катаклизмы. Пройдут многие миллионы лет. Найдёт выход накопленная в тёмных глубинах энергия. И с невероятной силой будут вздвигаться мощные земные плиты. Массивные блоки ползут друг на друга. Покорёжятся и деформируются слои. Образуются складки, своды, купола. Восстанут утесы. Из тьмы недр вознесутся к небесам вершины. На месте былых морей воздвигнутся горы, сверкнув внезапно ослепительным кристаллическим нутром. Возникнут новые формы, новая реальность (но и в этих скалах и громадах – детях нового времени, будут, иногда почти незримо, присутствовать следы былых эпох.) А потом ручьи и потоки врежутся в массивы. Реки и овраги рассекут, расчленият пласт. По едва заметным трещинам просочатся воды, ведь кальцит довольно легко растворим, особенно в присутствии углекислоты. Циркуляция вод породит здесь подземные галереи, пещеры, гроты, на «потолках и стенах» которых возникнут полосчатые льдистые натеки и наплывы пещерного оникса. Внизу, у реки в долине забьют родники, и вблизи этих источников высадится губчатый пористый известняк – травертин.

Таким образом, камень оказался на поверхности и был опутан древесными корнями, разорвавшими бывшее единство на скалы и глыбы, и окутан зеленым и бурным покровом трав и мхов. Здесь он стал доступен человеку. Правда, горняку, чтобы добраться до искрящегося белого нутра, пришлось расчистить его, освободить от земли, обломков, крошки, грязи... Среди трещиноватых и поврежденных, изъеденных кавернами и измазанных ржавчиной, выбирались наиболее ровные, сохранившиеся участки и в их пределах вырубались блоки, обычно не очень большие (менее половины кубометра). Изредка удавалось обнаружить крупный монолит чистого белого крепкого мрамора. Обнаружив его, каменотесы аккуратно нащупывали тонкие нитевидные трещины и, медленно раздвигая их деревянными клиньями, поливаемыми водой, отделяли, в конце концов, глыбу от массива.

Места, где можно было добыть подобный блок, были известны с глубокой древности. С античных времен прославилось месторождение Луни в Апуанских Альпах. Здесь добывался знаменитый голубоватый мрамор, широко использовавшийся как скульптурный материал во времена Империи.

В эпоху Возрождения эти каменоломни, расположенные на северо-западе Тосканы и уже именуемые «каррарскими» (от кельтского каррара – каменоломня),

обрели новую жизнь. Где-то в самом конце XV века здесь был добыт крупный столбообразный монолит чистого белого мрамора (правда, изогнутый) и переправлен в столицу Тосканы Флоренцию. В этой глыбе, сообщает Вазари, было девять локтей (более четырёх метров). Попытка вырубить из нее статую, предпринятая неким мастером Симоне да Фьезоле, оказалась неудачной, и в результате блок, получивший вдобавок к своим недостаткам еще одно увечье, был оставлен до лучших времён. 16 августа 1501 года общее собрание флорентийского цеха шерстящиков, которому принадлежала глыба, избрало мастера Микеланджело, сына Лодовико, «изваять и совершенно закончить» из неё статую под названием «Гигант». Микеланджело приступил к работе 13 сентября 1501 г. и оставалось только почти двухлетним вырубанием (в 1503 г. статуя полностью оформилась) высвободить Гиганта из глыбы. Резец, то неистово вгрызаясь в массив, то неслышно скользя по невидимым силовым линиям камня и при этом вслушиваясь в пульс художника, обнажает постепенно всю глубину природы, скрытой в мраморе. Скульптура эта, завершённая в 1504 г., была торжественно поставлена у входа в Палаццо Веккьо. В 1873 она была перевезена под крышу – в Галерею Академии, а на прежнее место водрузили мраморную копию. Ещё одна копия, правда, уже бронзовая, увенчивает монумент, возведённый в честь Микеланджело на высоком берегу Арно в конце прошлого века.

Давид стал едва ли не самым знаменитым изваянием нового времени. В разных музеях мира есть его изображение. Москвичи могут получить представление об этом образе по известной гипсовой копии, украшающей «Итальянский дворик» в ГМИИ, и мы, созерцая её, имеем возможность постичь всю долгую немую историю глыбы: в набухших венах видятся извивы ходов древних придонных существ; тяжёлая до неподъёмности правая кисть – память о страшном грузе давящих осадков; приподнятое

левое плечо как бы вздыбливает эти тяжкие толщи, а острые изломы левого локтя и правого запястья вызывают образ покореженных пластов.

Всего же поразительнее этот взгляд «болезненно отверстого ока» с глубоко-врезанным зрачком, прозревающий из глубин планетной истории, через головы столетий, неумолимость грядущих катаклизмов. И самой непостижимой тайной представляется то, что длительный, безмолвный и тёмный труд колоссальных планетарных сил поместил в эту узкую, спирально изогнутую глыбу именно этот «мотив», который в определённый срок дождался своего воплощения и уже в виде статуи был высвобожден из недр камня чуткой рукою ваятеля.

«Нужна была изначально данная узкая и длинная глыба мрамора, – пронзительно зорко понял М. Волошин, – чтобы Микеланджело нашел в ней напряженную тетику своего Давида».

И, глядя на мрамор и вспоминая все, что с ним произошло, понимаешь, что это – судьба, и что всё наше бытие – это цепь событий и форм, в которых есть не только преемственность, но и предопределенность. Переживший длительную историю: безымянный риф – подземный пласт – горный массив – блок в каменоломне – неприкаянная глыба на задворках собора – знаменитый монумент на площади – почётный музейный экспонат, и камень стал частью человеческой истории...

Зачатый жизнью в древних морях, прокалённый в планетных недрах, вознесенный тектонической мощью на вершину горы, он ожидал человека, и человек возник из планетного бытия, с тем, чтобы сделать внятным и проявленным глухой и темный голос вещества...

Погружаясь в камень и познавая его, человек познает себя, – свою роль на этой Земле, свой путь, свои задачи, и знание это открывается Миру в Слове, некогда заброшенном в глубины вещества и через несметные толщи веков проявившемся на планете.

Коллекция

Евгений Ляшенко

Уважаемые читатели, «ГВ» продолжает знакомить Вас с фотоальбомом Евгения Ляшенко «Гармония красоты и формы. Цветные камни от агата до яшмы». Вы сможете увидеть авторскую коллекцию каменных яиц. Фотографии сопровождаются привязкой мест отбора образцов.

ПРЕНИТ
 $\text{Ca}_2\text{Al}_2\text{Si}_3\text{O}_{10}(\text{OH})_2$

Пренит. 2,8 см.
Куржункол, Казахстан

Пренит с пиритом и вольфрамитом. 5 см.
Соколовско-Сарбайское, Казахстан

ПУРПУРИТ
 MnPO_4

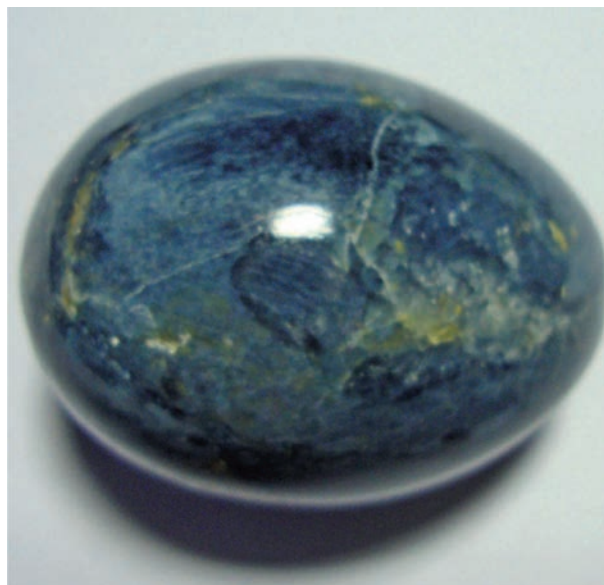

Пурпурит. 4,2 см.
Сандамаб, Намибия

РЕЖИКИТ И РОДУСИТ
 $\text{Na,Mg,Fe}(\text{OH,F})\text{Si}_4\text{O}_{11}$

Режикит (амфибол-асбест). 3,8 см.
Режикское, Урал

Родусит (рибекит-асбест). 3,5 см.
Кумолинское, Казахстан

РОЗАЗИТ
 $\text{ZnCu}(\text{OH})_2\text{CO}_3$

Розазит. 3,3 см.
Мексика

РОДОНИТ
 $\text{CaMn}_4\text{Si}_5\text{O}_{15}$

Родонит. 6 см.
Кургановское, Свердловская обл.

Родонит «орлец». 3,2 см.
Кургановское, Свердловская обл.

Родонит с дендритами марганца. 6,4 см.
Кургановское, Свердловская обл.

В нем и нежный велюр лепестков роз, и манящий свет уходящего за горизонт солнца.

О. Тюльпакова

Родонит. 3,5 см.
Ирнимийское, Хабаровский край

Родонит в кварце. 6,3 см.
Магаданская обл.

РОДОХРОЗИТ
 MnCO_3

Способность провести грань между хорошими и лучшими образцами – мерило зрелости и эрудиции коллекционера.

Б.З. Кантор

Родохрозит. 5,3 см.
Белен Катамарка, Аргентина

Родохрозит. 3 см.
Ушкатын, Казахстан

Геологи пишут

Валентина Вячеславовна Архангельская:
«Любовь моя – геология» (продолжение)

Эта повесть – своеобразный «конгломерат» из воспоминаний женщин-геологов, работавших во Всесоюзном (теперь Всероссийском) научно-исследовательском институте минерального сырья в 1960-1980-е годы. В центре повествования обобщенный образ женщины-геолога, научного сотрудника и практика.

Использованы воспоминания автора и ее коллег – Ксении Анатольевны Дюбюк, Людмилы Николаевны Журавлевой, Татьяны Борисовны Здорик, Земфиры Гайдаровны Караевой, Татьяны Николаевны Шуриги. Все совпадения имен, характеров и событий случайны.

Весной 1953 г. в ВАГТ пришла разнарядка на аспирантов для одного московского геологического отраслевого НИИ Министерства геологии СССР. В пятидесятые годы в очную аспирантуру отраслевых геологических НИИ был недобор, и ВАГТ направил Галю с подачи Игоря и без ее ведома в очную аспирантуру одного из этих НИИ как лучшего молодого производственника. Посоветовавшись с Андреем, Галя решила поступать, с тем чтобы защитить уже готовую диссертацию. Она хорошо сдала кандидатские экзамены, была принята, но руководство НИИ назначило ей в руководители одного из своих сотрудников – доктора наук, который пожелал, чтобы она работала по предложенной им теме, готовила диссертацию в русле его интересов, вместо уже написанной своей. Галя возмутилась и отказалась. Да и расхотелось ей бросать интересную, захватившую ее целиком производственную работу, расставаться с мужем на целые летние сезоны, так что она решила и уехала в «поле» от ВАГТа. Вдогонку пришла грозная правительственная телеграмма об откомандировании ее в НИИ, но она попросила начальника экспедиции сообщить, что она уже с партией, с которой в ближайшем будущем не предполагается связи, поэтому отправить в Москву он ее не может. Тем дело и кончилось, а осенью она перевелась в заочную аспирантуру, и ей разрешили защищать диссертацию по собственному материалу, но уже в другом отраслевом НИИ – ленинградском, поскольку работа имела региональный характер и не подходила по тематике московскому НИИ.

Лето 1954 года партия Гали работала уже на оленях. Ягель был повсюду, и о кормах беспокоиться было нечего. Геология же района оказалось сложной. На его территории наблюдались только древние сильно метаморфизованные породы: гнейсы, мигматиты, кристаллические сланцы и другие близкие им петрографические разности, которые трудно стратифицировать.

Партия ее работала поотрядно. Отряд Гали насчитывал девять человек и десяток оленей при одном проводнике.

В середине полевого сезона испортилась рация: то ли батареи подмокли, то ли радист был не очень опытный, но связи не было, а подходило время для вызова самолета с продуктами. Пришлось отправить радиста с рацией на базу экспедиции – 150 километров в один конец. Туда и обратно вышла бы неделя или даже больше. Оленей проводники взяли всех, чтобы загрузить их продуктами. За оленями и людьми увязалась собачонка оленевода – щенки нескольких месяцев от роду.

После их отъезда через три дня в партии практически кончились продукты: остались два килограмма риса, одна банка сгущенного молока, один килограмм черных сухарей. Это на восемь человек. Чтобы продолжать работу (а надо было выполнить один трехдневный маршрут) решили так: маршрут делать Гале и технику-геологу Тане, поскольку женщины легче переносят голод, чем мужчины. Мужчинам оставаться на лагере и, может быть, что-нибудь подстрелить. Продукты поделили поровну, банку сгущенки оставили как НЗ (неприкосновенный запас). Когда Галя с Таней вернулись,

они не узнали своих ребят: те были опухшие, какие-то вялые. Никого им подстрелить не удалось, к продуктам они не притронулись, берегли для женщин, питались незрелыми стланиковыми орехами и ягодами.

На следующий день после Галиного возвращения зарокотал самолет, сбросил вымпел: везем продукты на сброс, но радист не летит, все еще чинит рацию.

Место сброса было прежнее, туда продукты отряду уже сбрасывали.

Все побежали на заболоченную площадку для сброса. Один за одним плюхались в осоку мешки с крупой, сахаром, консервами. Потом в воздухе слышался визг: на маленьком грузовом парашюте летел щенок. Приземлился, освободили его от лямок, он немного покрутился, очухался. За небольшое время жизни на базе он заметно потолстел и вырос, запрыгал вокруг всех, залаял. Потом побежал сразу на кухню, к костру, повариха его покормила. Он залез в Галину палатку и уснул на ее спальном мешке. За час-полтора сброшенный груз на себе перетаскивали в лагерь. Распаковали его, уложили.

Вечером был пир. Галя предупредила:

– Особенно не наедайтесь. Желудки-то сморщились. Но все было тип-топ.

А через неделю пришли радист с новой рацией (старую починить не удалось, ее списали), проводник-оленевода и олени.

Зимой Галя окончательно подготовила для защиты свою кандидатскую диссертацию, написанную по материалам тувинских полевых сезонов и их обобщения, а весной успешно

ее защитила в ленинградском НИИ, где и встретилась, о чем уже упоминалось, с Володей и Петей. Встреча была короткой. О прошлом не вспоминалось.

После защиты ей снова предложили работу в московском НИИ, в котором она училась в аспирантуре, и снова она «улизнула» в ВАГТ на геологическую съемку в Южную Якутию. Пока она оформляла документы во Всесоюзную аттестационную комиссию (ВАК) для присвоения ей степени кандидата геологических наук, партия ее выехала на полевые работы без нее, она же должна была встретиться с нею в заранее условленном месте.

До места расположения партии от поселка Большой Невер на трассе АЯМ (Амуро-Якутской магистральной автодороги) было двести километров. Приближалось 1 сентября – начало учебного года в школах – и до поселка Сутам, от которого лагерь ее партии находился в 25 километрах, не доходя до него, готовился караван оленей с грузом учебников для школы и спирта для Райпотребсоюза. Галя договорилась ехать вместе с якутами-оленеводами каравана, которые должны были доставить груз по назначению, и даже получила «седового» (верхового) оленя, возможно, потому что оленеводам было неудобно ехать верхом, если бы она – женщина и тарга у геологов – шла пешком. Выехали вечером, отъехали от Большого Невера семь километров и заночевали без палаток под стланиковыми кустами с расчетом рано утром двигаться дальше весь день.

Геологи пишут

Галя проснулась рано – помешало взошедшее солнце. Спала она прямо на земле, подстелив ветви стланика. Оглянулась – кругом ни оленей, ни каюров. Потом услышала оленьи «боталы», слава Богу, никуда не ушли! Олени с чонгаями (короткими довольно толстыми и тяжелыми обрезками стволов дерева, которые вешают на ремнях оленям на шею, чтобы они могли пастись, но далеко не убежать) рядом. Но где же каюры? Пошла искать. Один спал под развесистым кустом стланика, другой чуть дальше. От обоих несло спиртом. Рядом валялись две пустые бутылки. Трясла их, не добудилась.

В результате продолжили путь только на следующий день. Ежедневно вечером после развючки оленей, надевания на них чонгаев, приготовления ужина (пришлось Гале готовить!) и трапезы оба каюра снова пили спирт, но уже очень умеренно: стеснялись Гали.

– Как же Вы будете расплачиваться за выпитое? – спрашивала она. Оба отмалчивались.

На место встречи с партией приехали на шестой день к вечеру. Там еще никого не было. Галя осталась, поставила палатку, каюры поехали дальше. Позже выяснилось, что за оставшуюся до поселка Сутам дорогу (один день пути), очевидно с длительными остановками, они выпили за небольшим остатком 50 бутылок спирта вместимостью по поллитра каждая и пока не выпили в Сутам не явились. Потом долго выплачивали Райпотребсоюзу деньги за спирт, кажется, так до конца и не выплатили, потому что не работали. А учебники в школу намного опоздали.

В ожидании партии Галя развела костерок, сварила кашу, быстро поела и с темнотой залезла в спальный мешок. Ночь стояла тихая, ясная, луна светила ярко. Было полнолуние. Сначала спать не хотелось. Потом заснула и проснулась среди ночи от серебристого звука колокольчика. Откуда он в дикой тайге? Высунулась из палатки. Луна светила по-прежнему, поляна, на которой она поставила палатку, пуста. Вдруг снова колокольчик, где-то почти рядом, в лесу. Стало жутковато. Мистика какая-то! Полежала,

было тихо, колокольчик умолк, снова уснула.

Утром прибыл в полном составе караван ее партии. Оказалось, сотрудники партии не успевали к обусловленному с Галей сроку, заночевали, не дойдя до места встречи пять километров. Местность здесь ровная, не гористая, стланик редок, в долине реки у места встречи есть хороший ягель, а непосредственно вдоль русла растет редкий ельник. Галя рассказала о колокольчике. Оленеводы обрадовались: колокольчик, действительно серебристый, был надет на шею одного из лучших оленей, а олень потерялся. Галя указала, откуда примерно слышался звук, и каюр вскоре нашел и привел оленя, но без чонга, который олень, видимо, где-то потерял.

Район работ партии был сложен в основном древнейшими (докембрийскими) гнейсами, сланцами и гранитоидами, в северной части съемочного планшета перекрытыми молодыми (юрскими) песчаниками, лежащими почти горизонтально. Вот эту-то часть и осталось доснять до конца полевого сезона. Надо было торопиться – осень в этом году была ранней, уже в августе начались холодные дожди, периодически сменявшиеся снегопадами, снег, правда, днями стаивал, но в начале сентября мог лечь насовсем.

А между тем, пока Галя была в Москве, один из геологов партии заболел и улетел лечиться на базу экспедиции, улетели на учебу и студенты-практиканты; геолог Надя со зналась, что она на шестом месяце беременности. Галя решила больше в маршруты ее не пускать. Чтобы доснять планшет, она и начальник отряда Вадим Козлов договорились наплевать на технику безопасности и выполнить маршруты, которых оставалось по два на каждого, в одиночку. В случае чего отвечать будут сами за себя.

И вот первые маршруты: один по левому, другой по правому бортам ключа. Длина каждого маршрута около семи километров, да подходы пять километров (лагерь стоял в долине реки, напротив устья ключа). Договорились по окончании маршрутов встретиться

в верховьях ключа, где ждать друг друга от 14 до 16 часов вечера, потом вместе возвращаться домой по оленьей тропе, что шла вдоль его долины. Галя ушла первой сразу после завтрака. В 13.30 она была на месте встречи. В 14.30 хмурый день еще более нахмурился, стало холодно, начался холодный мелкий нудный дождичек. Когда Вадим не появился и в 16 часов, она решила, что они разминулись, что он ее не дождался и ушел домой один. Пошла и она домой и через два с половиной часа была в лагере. Вадима там не оказалось. Значит запозднился. Повариха сказала, что он ушел в маршрут где-то в 10 часов 30 минут или чуть позже. Вот копуша!

Между тем дождь сменился мокрым снегом. Стемнело. Эвены развели громадный костер, подбросили стланика, он горел ярко, но быстро сгорал. Повариха и Надя ушли спать. Галя и эвенки сидели вокруг костра. Рядом, насторожив уши, лежали две собаки оленеводов. Стали ждать. Время шло медленно. Костер не раз поправляли и подновляли. В полночь послышался далекий крик. Все облегченно вздохнули: ну, теперь скоро будет! Потом опять тишина. Прошел почти час, криков не слышно. И вдруг лежавшие у костра собаки насторожились, забеспокоились, встали и убежали в темноту. Галя и эвены пошли за ними. Вадим лежал метрах в 200 от лагеря на берегу реки в полубессознательном состоянии, говорить он не мог, слабо стонал. Отволокли его в лагерь, уложили близ костра. Его била крупная дрожь. Одежда на нем была вся мокрая, свитер под курткой примерз к ней. В резиновых сапогах – вода, очевидно, зачерпнул, когда переходил вброд речку. Его раздели. Галя достала спирт, растерла Вадима, примерно полстакана развела водой, заставила выпить, передела в сухое. Он немного отошел. Рассказал, что в маршрут вышел в 11 часов, кончил его только в семь вечера. Были уже сумерки. Озяб и насквозь вымок еще когда шел дождь. Хотел заночевать, но не смог разжечь костер: все в тайге мокрое, сухостоя нет, да и нечем было бы его свалить, спички отсырели и не загорались, решил идти домой, побоялся

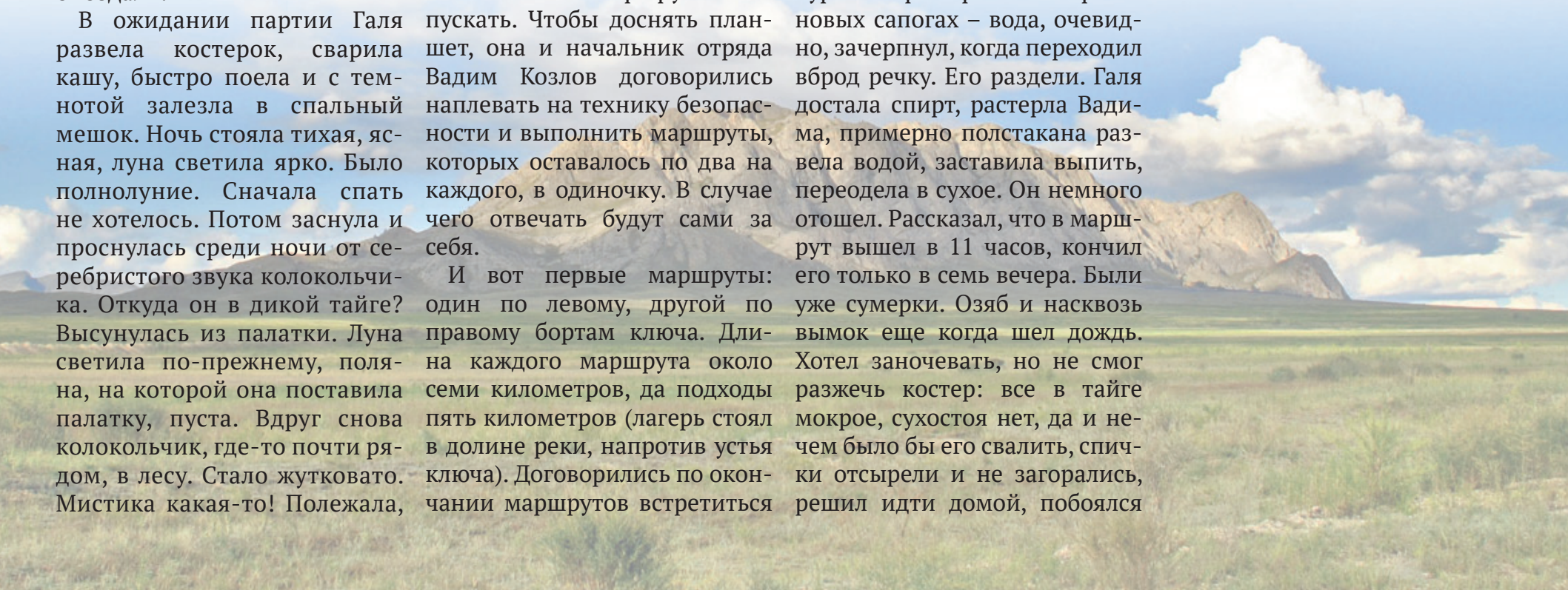
в тайге замерзнуть. Как шел не помнит, спотыкался, падал, натыкался на кусты и деревья, терял тропу и ощупью находил ее снова, реку бродил наугад. Но вот дошел!

Галя заметила:

– Если б не собаки, замерз бы вблизи лагеря. Нет уж! Остальные маршруты сделаю сама. Ты сиди в лагере. Если со мной что случится, вы все не в ответе, понял? А за тебя я бы могла и под суд попасть.

Работу по съемке планшета они окончили уже по снегу. До поселка Большой Невершли оленьим караваном: посадочной площадки для Ил-2 в районе не было, а вертолеты на вооружении в ВАГТе еще не числились.

Продолжение следует

Геологи пишут

Начало...

Об авторе:

Юрий Анатольевич Мотошин родился 11 июня 1951 года в Ханты-Мансийске. Высшее образование по специальности «горный инженер по бурению скважин» получил в Тюменском индустриальном институте. До 1977 года работал инженером, младшим и старшим научным сотрудником в ТюменНИИГИПРОгазе Министерства газовой промышленности СССР. Занимался вопросами бурения скважин в условиях вечной мерзлоты на Уренгойском, Медвежьем, Мессояхском месторождениях. Затем трудился в системе Главтюменьгеологии в Правдинской НГРЭ, объединении Мегионнефтегазгеология в должности начальника технологического отдела, главного технолога. Отработал два года в Советской экспедиции в НДР Эфиопия на руководящей технической должности. Был техническим руководителем в ЗАО «Геоварт» и ЗАО «МегаОйл», МПК «Аганнефтегазгеология», Мегионское УБР, Национальной буровой компании.

Почему-то принято считать, что открытие залежей нефти и газа принадлежит широко известным людям: Героям Труда, руководителям высшего звена, чьими именами называют улицы, города, месторождения. Правда ли это? Признаюсь, правда.

Но ведь есть ещё одна правда! И она в том, что в этом сложном и трудоёмком процессе были задействованы тысячи и тысячи людей. Все они разные: лентяи и трудолюбивые, убеждённые трезвенники и пьющие, атеисты и верующие, образованные и не очень, весельчаки и бирюки, молодые и пожилые.

Сейчас их имена уже не на слуху, но частичка их труда заложена в каждой тонне добытой нефти... Они делали эту историю и поэтому вошли в неё навсегда...

В далёком 1964 году, когда мне уже исполнилось 13 лет, произошло незамеченное мною тогда событие, но тем не менее, оказавшее впоследствии значительное, а может и определяющее, влияние на всю мою жизнь.

Пришла моя мама с работы и объявила, что у них будет новая заведующая детским садом. Надо сказать, что мама работала в детском садике Ханты-Мансийской геофизической экспедиции воспитателем. И заведующая, Рябенко Наталья Андреевна, с мужем, Рябенко Харитоном Ксенофоновичем и дочкой Ритой, уезжают в какой-то Горнофилинск. Там организуется новая экспедиция, будет много народа приезжать с детьми, нужен детский сад и т.д. А начальником у них азербайджанец то ли Курбанов, то ли Фарманов. Короче, проводили Наталью Андреевну с добрыми напутствиями.

Вот так я впервые услышал о человеке, оказавшем колоссальное и, я бы сказал, определяющее влияние на развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири в общем и на рождение посёлка Горноправдинск в частности.

А кашу заваривали сейсмоики, которые получили материалы,

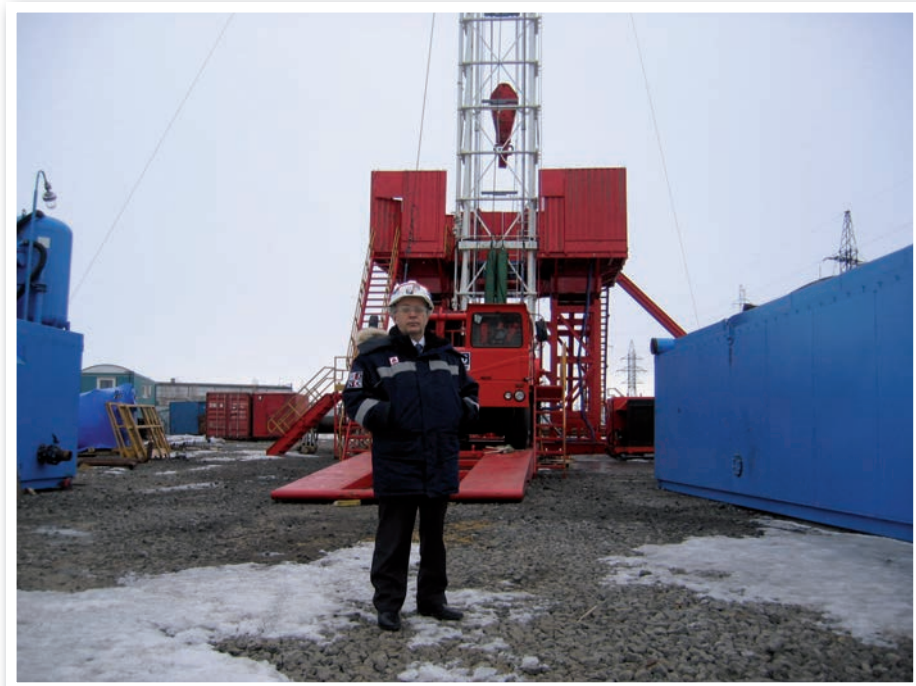
свидетельствующие о том, что в междуречье Оби и Иртыша присутствуют перспективные на нефть и газ структуры в районе бассейна реки Салым. Этот район был пограничной территорией между зонами работ Ханты-Мансийской НРЭ и Усть-Балыкской НРЭ, где главным геологом был в то время Фарман Курбанович Салманов. Подтвердить предположения поисковым бурением не удавалось. В то время гремели уже Мегионское, Усть-Балыкское, Самотлорское и другие месторождения. Все силы геологоразведки были брошены именно в Среднее Приобье...

Молодой, энергичный и, что греха таить, амбициозный Салманов «пробил» организацию Правдинской геологоразведочной экспедиции, хотя начальник Тюменского геологического управления Эрвье Ю.-Р.Г. был с этим не согласен.

Специалистов собирали «с миру по нитке». Одними из первых приехали супруги Ключко из Сургута, супруги Ветровы, Шадрин Евгений Николаевич и Голикова Валентина Александровна, молодые специалисты Тишко Юрий Нестерович, Каткова Мария Леонтьевна, Катков Олег Иванович. Контора первоначально располагалась в церкви, прибывших расселяли по домам или на первой производственной базе в пос. Лемпино.

Летом 1965 года коллектив молодой экспедиции пополнился буровыми мастерами Петелиным Василием Андреевичем, Луговским Германом Григорьевичем, Арутюновым Арутюном Галустовичем, Николаенко Петром Афанасьевичем и другими специалистами.

Слухи о рождении посёлка, названного в честь газеты «Правда», распространились быстро благодаря опять же умной и дальновидной политике Фармана Курбановича. Он использовал все способы, чтобы о его детище знал каждый в стране.

Ю.А. Мотошин

Известные певцы, композиторы, журналисты, знаменитые люди – он использовал все мыслимые способы популяризации.

Но основное внимание Салманов уделял людям. С первых дней существования экспедиции он претворял в жизнь одно: создать нормальные условия жизни для тех, кто посвятил себя геологоразведке. Приоритеты – школа, библиотека, клуб, стадион, жильё.

Летом 1965 года в посёлок приехал по приглашению студенческий строительный отряд «Ермак» из Киева. За короткое северное лето студенты построили целую улицу двухэтажных домов. Это главная улица Горноправдинска – Киевская.

В короткие сроки построен детский сад (заведующая Рябенко Н.А.). В нём был свой, единственный в своём роде, зоопарк, а детей обучали английскому языку. Построена теплица, в которой работали профессиональные специалисты.

И где Фарман Курбанович находил на всё деньги? Заметьте, нецелевое использование средств было строго наказуемо. За это Салманова разжаловали из начальников и «сослали» в Нефтеюганск после

строительства спортзала в Сургуте. Ну конечно, и за строптивость, и за отстаивание своей точки зрения.

За короткое время Фарман Курбанович вывел Правдинскую экспедицию в одну из передовых в отрасли. По его инициативе после фонтана на скважине Р-12 Салымская следующая бурилась в перспективных пластах по методике: бурение 10 м – каротаж – испытание – каротаж. Так было выявлено наличие АВПД в битуминозных аргиллитах баженовской свиты. Уникальность открытия состоит в том, что практически из глин получены дебиты нефти, исчисляемые сотнями тонн в сутки.

Но вот построить аэропорт в посёлке Салманов Ф.К. не успел – его назначили главным геологом Главтюменьгеологии.

Обо всём этом я узнал, когда приехал в Горноправдинск на работу в качестве старшего инженера по буровым растворам...

В память о выдающемся геологе Фармане Курбановиче Салманове в посёлке установлен памятник – дань уважения первопроходцу и основателю Горноправдинска.

Ю.А. Мотошин

